

– наряду с истиной и красотой – занимает верхние позиции в иерархии ценностей любого человека или социума. Само слово «ценность» иногда употребляется в том же смысле, что и понятие «положительная ценность» или «добро».

**Иерархия ценностей.** Возвращаясь к вопросу об иерархии ценностей, следует отметить, что в условиях массовой культуры среди философов, социологов и культурологов (в особенности представителей постмодернизма) широко распространено представление о ценностном хаосе – иначе говоря, об аксиологическом анархизме. Сама идея иерархии представляется своего рода анахронизмом, который необходимо преодолеть. Однако иерархия ценностей вполне реальна, хотя и исторична: в виде жесткой конструкции пирамидального типа она выступала только в традиционном обществе, а в индустриальном (и тем более постиндустриальном) обществе она приобретает размытый и неопределенный характер. В такой иерархии можно выделить только определенно низшие ценности (например, вульгарность и изменчивость) и определенно высшие ценности (к примеру, благородство и

святость). Высшие и низшие ценности имеют различное субъектное наполнение и различаются по объему: низшие ценности имеют массовый характер, а высшие ценности не имеют широкого хождения. Высшие и низшие ценности различаются также по качеству: высшие ценности доступны только высокообразованным людям, достаточно образованным и воспитанным. Низшие ценности не требуют никакой специальной подготовки, стереотипны, удобны и эффективны. Не менее важное различие заключается в том, что высшие ценности являются штучным «товаром», и среди них – произведения, актуальные во все века и времена. Низшие ценности имеют короткий срок жизни, и среди них – немало подделок, штампов и конъюнктурных произведений. Высшие ценности развивают человека, ведут его к совершенству, а низшие – способствуют потере человеком своей индивидуальности, ведут к конформизму и застою в духовном развитии. Таким образом, иерархия ценностей неустраима, но имеет динамичный и подвижный характер, при этом особую роль в иерархии ценностей играют истина, добро и красота.

*Материал поступил в редакцию 11.11.08*

#### **VARICH V.N. To a question on hierarchy of values**

In hierarchy of values the special place is occupied with universal values, the nature and which essence are an actual subject of philosophical discussion. The hierarchy of values is mobile and изменчива, and in the modern world has the dim and uncertain character. However in it the lowest are accurately allocated and the supreme values differing on variety of criteria. The true and the beauty forming the tsennostno-semantic basis of any culture concern the higher universal values kindly.

УДК 1(91)

**Эйдуkene Д.Д.**

### **РЕШЕНИЕ СОЦИАЛЬНОГО ВОПРОСА В ИНТЕРПРЕТАЦИИ МАРКСИЗМА**

В сороковые годы XIX века появился марксистский социализм. Его основоположники Карл Маркс (1818–1883) и Фридрих Энгельс (1820–1895) свою социальную концепцию формировали, глядя на важнейшие социальные перемены XIX века – рост и формирование промышленного рабочего класса и рост его политической мощи. Они разглядели в рабочем классе ту революционную силу, которая способна возглавить борьбу трудящихся за свои интересы, за социальную справедливость.

Основоположники марксизма называли свое творение качественно новой теорией социализма, считая до того существовавшие концепции в Германии, мягко выражаясь, ненаучными. Говоря словами Маркса, их создатели это «люди, в теоретическом отношении нули, а в практическом никуда негодны, хотя социализм (который они состряпали по университетским рецептам)...», – «это убогие контрреволюционеры», «половинчатые люди», «весь этот сбор из докторов, студентов и т. д.», «вся эта катедер-социалистическая сволочь», «сумевшая заразиться парламентским идиотизмом» [1, с. 422].

Маркс и Энгельс проблему улучшения положения рабочего класса никоим образом не связывали с капиталистическим обществом. Они надеялись и верили, что только революционный радикализм создаст социальное равенство, настоящую свободу и социальную справедливость. Марксистский социализм, с претензией на научность, был сочинен с прицелом стать идеологией революционного пролетариата. Маркс и Энгельс считали себя не только теоретиками, но и политиками, а точнее политическими лидерами не только германского, но и международного рабочего движения. Так что «научный социализм» должен был выражать синтез социалистической мысли и социалистической воли.

По мнению основоположников марксизма, капиталистическое общество исторически обречено и все в нем идет к глобальному отрицанию. Для них – современное «государство есть зло» [2, 200] и этот носитель зла не обладает никакими рациональными силами и потенциальными возможностями для созидания и самосовершен-

ствования, а тем более для решения социальных проблем. Государство, в понимании марксизма, это «машина для подавления одного класса другим, и в демократической республике ничуть не меньше, чем в монархии» [2, с. 200]. По мнению основоположников марксизма, о социальной справедливости, к которой была бы причастна буржуазия, не может быть и речи, потому, что она уже выполнила свою историческую роль и далее своими действиями демонстрирует свое полное бессилие. «Она неспособна господствовать, потому, что неспособна обеспечить своему рабу даже рабского уровня существования» [3, с. 435].

Маркс и Энгельс говорят о положении пролетариата, сложившемся в результате промышленной революции, как о действительности нечеловеческого существования. Они исходят из убеждения, что обнищание пролетариата в буржуазном обществе обусловлено действием объективных экономических законов капитализма, среди которых весьма показательным является всеобщий закон капиталистического накопления. Следуя ему, обнищание пролетариата неизбежно вытекает из самой сущности капиталистического способа производства, основанного на эксплуатации наемного рабочего. Капитализм неизбежно порождает относительное перенаселение, или промышленную резервную армию. Чем больше общественное богатство, тем больше резервная армия труда по сравнению с занятыми в капиталистическом производстве рабочими. Накопление капитала, таким образом, на одном полюсе общества воспроизводит все более крупных капиталистов и на другом – наемных рабочих и особенно безработных. Накопление капитала и рост нищеты трудящихся – две взаимообусловленные стороны процесса развития капитализма.

Марксистская теория различает относительное и абсолютное обнищание пролетариата. Соответственно ей, относительное обнищание выражается в уменьшении доли рабочего класса в национальном доходе по сравнению с растущей долей буржуазии; абсолютное – это постоянное, прямое ухудшение условий труда и жизни рабочего.

Основоположники марксизма приводят пример промышленной

*Дала Эйдуkene, доктор гуманитарных наук, доцент кафедры философии и политологии Вильнюсского технического университета им. Гедиминаса, Литва.*

революции, совершившейся в Англии во второй половине XVIII века и захватившей Францию, Германию и некоторые другие западноевропейские страны в первой половине XIX века, которая вызвала массовое разорение ремесленников, кустарей, которые не могли конкурировать с промышленным производством. Пролетаризация мелких производителей, громадное увеличение массы пролетариев, значительная часть которой была обречена на безработицу, – все это означало прогрессирующее ухудшение экономического положения трудящихся на фоне буржуазного прогресса капиталистического производства. Констатация этих фактов приводит Маркса и Энгельса к выводу, что дальнейший прогресс капитализма не сулит даже малейшего улучшения положения пролетариата: прогрессирующее обнищание пролетариата – неизбежное следствие развития производительных сил буржуазного общества.

Этот, как показала история, не подтвердившийся вывод был сделан основоположниками марксизма за двадцать лет до выхода в свет первого тома «Капитала» Маркса. Но удивление вызывает тот факт, что Маркс в первом томе «Капитала» опять же возвращается к данной проблеме и делает попытку всестороннего экономического обоснования закона абсолютного и относительного обнищания пролетариата в ходе капиталистического прогресса. Возникает вопрос: как он со своим аналитическим складом ума не замечает за эти годы в развитых капиталистических странах, что материальная нищета имеет тенденцию уменьшаться, а уровень жизни рабочего класса – повышаться? Что это – ошибка учёного, который идет тернистым путём проб и ошибок или элементарная фальсификация, которая так выгодна в пропагандистском отношении и так важна как основной аргумент в марксистском обосновании неотложной необходимости пролетарской революции?

Марксистская теория социализма не только подвела общество к социалистической революции, но также теоретически обосновывала историческую неизбежность гибели капитализма. Эта миша замедленного действия, заложенная в способе производства, должна была срабатывать независимо от воли людей. Ибо «ни одна общественная формация не погибает раньше, чем разовьются все производительные силы, для которых она дает достаточно простора, а новые, более высокие производительные отношения никогда не появляются раньше, чем созреют материальные условия их существования в недрах самого старого общества» [4, с. 6].

Марксистский социализм базируется на двух теориях – экономической интерпретации истории и теории социальных классов. Экономическую интерпретацию истории можно сформулировать двумя положениями, во-первых, формы или условия производства являются основными детерминантами социальных структур, которые в свою очередь определяют развитие социальных установок обществ и цивилизаций. Маркс эту мысль иллюстрирует следующим образом: «Ручная мельница дает вам общество с сюзереном во главе, паровая мельница – общество с промышленным капиталистом» [5, с. 113].

Во-вторых, сами формы производства имеют свою логику. Это значит, что они меняются по своим внутренним закономерностям и то, что их меняет, является результатом функционирования их самих. Таким образом, «ручная мельница» становится практической неизбежностью, которой не может изменить или отменить никакой индивид или группа индивидов. «Паровая мельница» создает новые социальные функции и положение, новые группы и установки, которые расширяются и взаимодействуют таким образом, что перерастают свои бывшие формы. Таким образом, создается движущая сила, которая определяет экономические и социальные изменения. Это своеобразный *mobile*, сила движения которого проявляется без постороннего толчка извне.

Но в этом развитии человеческого общества, в этом естественно-историческом процессе перехода от одной общественно-экономической формации к другой веет определённым фатализмом – что социализм настанет «с неотвратимостью закона природы», что «капиталистическое производство порождает с необходимостью естественного процесса своё собственное отрицание» [6, с. 773]. Таким образом, основоположники марксизма смотрели на людей, как на простых оловянных солдатиков, которые, подталкиваемые эко-

номическими пружинами, необходимо участвуют в баталиях истории, не имея никакой власти над историческими силами. Сцена исторических баталий встроена в социальную систему и находится в «царстве необходимости». В свое время оловянные солдатики уничтожат эту систему и вступят в «царство свободы и справедливости».

Исходя из этого, Маркс и Энгельс все социальные изменения считали «исторической неизбежностью». В связи с этим в «Манифесте Коммунистической партии» и была сформулирована основная теоретическая установка марксизма, в которой заранее провозглашается капитализму *fiatko*. Она означает, что сама логика эволюции капитализма уничтожает капиталистический порядок и создает социалистический.

В соответствии с этим, социальная справедливость, как и несправедливость, интерпретируется Марксом и Энгельсом как одна из форм идеологической и практической связи между людьми, которая определяется совокупностью производственных отношений. Потому «конечные причины всех общественных изменений и политический переворот надо искать не в головах людей, не в возрастающем понимании ими вечной истины и справедливости, а в изменениях способа производства и обмена; их надо искать не в философии, а в экономике соответствующей эпохи» [7, с. 278], потому что «способ производства материальной жизни обуславливает социальный, политический и духовный процессы жизни вообще. Не сознание людей определяет их бытие, а, наоборот их общественное бытие определяет их сознание» [8, с. 278]. Нам кажется, что этой сентенцией основоположники марксизма провозглашают социальной реформе *pro futuro*.

Но при этом необходимо подчеркнуть, что экономическая интерпретация истории не означает полную изоляцию двух миров – материального и духовного. Маркс признавал их параллельное существование и взаимовлияние, но не дал этому достаточного объяснения, и в связи с этим возникла, говоря словами «позднего» Энгельса, «великая путаница», из-за которой пришлось ему объясняться даже на могиле друга.

Марксистская теория социальных классов характеризует капиталистическое общество как конгломерат двух «основных» антагонистических социальных классов. Марксистский принцип стратификации классов – это наличие собственности на средства производства или ее отсутствие. Итак, мы имеем собственников-капиталистов или нищих-пролетариев. Суть отношений между ними *status belli*, означающая основополагающий конфликт капиталистического общества из-за частной собственности. Таким образом, в капиталистическом обществе мы имеем дело с «прикрытой гражданской войной», [3, с. 435] и эта война не нова, потому что «история всех до сих пор существовавших обществ была историей борьбы классов» [3, с. 424], которая раньше или позже приведёт к упразднению частной собственности, и «буржуазия будет разбита. Её гибель и победа пролетариата одинаково неизбежны» [3, с. 436].

Основоположники марксизма утверждают, что социальные классы, якобы, естественным образом сознают свои интересы в классовый борьбе и действуют соответственно. Они предполагают самоочевидным, что только собственники заинтересованы в сохранении частной собственности на средства производства, что пролетариат заинтересован в противоположном, и что обе стороны сознают свои интересы и действуют соответственно. Другими словами, примитивно рассуждая, одни, несмотря ни на что желают владеть, а другие, несмотря ни на что – отнять и поделить. Но нам кажется, что в этом смысле, основоположники марксизма истолковали психологию рабочего класса. Ей свойственно желание владеть, стать мелким буржуа. В этом плане частная собственность на средства производства равно служит интересам и владеющих, и не владеющих ею.

Что касается буржуазии, то, наверное, не следует её характеризовать только как «бескомпромиссного, жадного хищника», а ещё и *lupus primitivus*. Ведь Маркс и Энгельс сами не могли не признать прогрессивной сущности буржуазии. «Манифест Коммунистической партии» пестрит восхвалениями этого класса [3, с. 110-111]. Таким образом, подкрадывается сомнение насчет утверждения основоположников марксизма, что этот прогрессивный характер буржуазии

ограничен определенными историческими рамками. Не хочется верить, что этот класс так уж исторически обречен и не найдет умственных способностей прогнозировать не хуже, а может быть и лучше создателей марксистского социализма и сумеет, создав могучие производительные силы, организовать их социальную охрану.

Основоположники марксизма считают, что уже сам факт владения или невладения делает человека только агрессивным. Нам кажется, что в этом отношении часто желаемое выдавалось за действительное. Например, это выражается в оценке Марксом Силезского восстания ткачей, вспыхнувшего в 1844 году: «Силезское восстание начинается как раз тем, чем французские и английские рабочие восстание кончают, – тем именно, что осознается сущность пролетариата». Ни одно из рабочих восстаний в прошлом «не имело столь теоретического и сознательного характера, как восстание силезских ткачей» [3, с. 443]. Но эту марксистскую характеристику Силезского восстания можно оценить как более чем странную. Маркс приписывает этому восстанию стремления, несомненно, чуждые ему. На самом деле, Силезское восстание ткачей не заключало в себе никакого стремления уничтожить капиталистическую систему. Так что факты, на которые ссылается Маркс, не только неточны, но и искусственно дотянуты.

Итак, Маркс и Энгельс исключают из жизни социальных классов *modus vivendi*. Но обычно в социальной жизни действуют, практически неразделимы, три принципа – антагонизм, сотрудничество и компромисс. Но в контексте данной теории существует однозначный ответ – мирного сосуществования и взаимодействия между ними быть не может. Это невозможно, потому, что классовая борьба рисуется как объективная необходимость, как движущая сила истории. Таким образом, об общих интересах не может быть и речи. Но если не признавать объективности общности интересов всех членов общества, это значит отрицать саму возможность существования самого общества, которое, если это отбросить, распадется даже не на классы, а на взаимно враждебных индивидуумов.

Не стоит отрицать, что общественные отношения далеко не так просты. Общество есть и всегда будет необыкновенно сложным организмом с самыми разнообразными классами и интересами. Но Маркс и Энгельс выкопали слишком глубокую демаркационную линию между буржуазией и пролетариатом, между этими однородными массами – революционной и реакционной. Но жизнь не есть только борьба. Ведь люди, принадлежащие к различным классам, чувствуют также взаимность. Ведь, среди людей и среди классов распространено чувство честной гуманности, не особенно, правда, в высокой степени – но все же, в более высокой, чем полагают теоретики марксистского социализма.

Таким образом, марксизм не оставляет никаких надежд и иллюзий насчет возможности хоть минимального воплощения в жизнь идей социальной справедливости в условиях капиталистического общества. Потому основоположники марксизма считают, что «все дело заключается в том, чтобы революционизировать существующий мир, чтобы практически выступить против существующего положения вещей и изменить его» [9, с. 42]. «Цели могут быть достигнуты только посредством насильственного ниспровержения всего существующего общественного строя» [3, с. 478].

Нельзя утверждать, что основоположники марксизма напрочь отбрасывали демократические методы борьбы. В связи с этим, обращает на себя внимание документ Союза коммунистов «Требования Коммунистической партии Германии», который был написан в конце 1848 г. Марксом и Энгельсом в Париже. «Требования» являются политической платформой пролетарской партии в начавшейся германской революции. Хотя этот документ не оказал никакого влияния на общественную жизнь Германии, но в нем сформулирована широкая программа неотложных демократических преобразований: требование республики, создание подлинного народного представительства, введение всеобщего избирательного права, всеобщее бесплатное народное образование и т.д. Немаловажная роль в решении социальных проблем уделяется государству. Предпоследний, 16 параграф «Требований», гласит: «Учреждение национальных мастерских. Государство гарантирует всем рабочим средства к существованию и берет на себя попечение о неспособных к труду» [10, с. 2].

Значение этих мероприятий, по мысли Маркса и Энгельса, состояло в том, что они являются предварительными условиями пролетарской революции, которые подготавливают для нее плацдарм и расширяют ей путь. Но тем самым необходимо подчеркнуть, что в «эпохе Манифеста», когда чеканилась лапидарная теория марксизма, Маркс и Энгельс не верили еще, что фабричные законы и профессиональные организации, законодательство вообще могут быть определенными этапами пролетарской борьбы за эмансипацию, которой суждено преобразовать капиталистическое общество в социалистическое. Они видели в них лишь деструктивные силы по отношению к капитализму, которые в корне не могут ничего изменить.

Но взгляды основоположников марксизма необходимо рассматривать во времени, тем более, что человек – это становящаяся сущность. И эта «сущность» Маркса и Энгельса определенным образом изменилась за период, когда в 1848 г. они писали «Манифест Коммунистической Партии» и уже свои последние работы в 90-х годах. В первую очередь, это касается Ф. Энгельса, который попытался на основе переосмысления тех новшеств, которые принесло в жизнь развитие самого капитализма конца XIX столетия, а также новый опыт борьбы и существенные парламентские победы германской социал-демократии, внести определенные коррективы в социальную теорию марксизма. Это он сделал уже после смерти Маркса в нескольких работах и в письмах.

В первую очередь Энгельс желает внести ясность в экономическую интерпретацию истории, в отношении которой, как мы уже говорили выше, возникла «удивительная путаница». Энгельс признается: «Маркс и я отчасти сами виноваты в том, что молодежь иногда придает больше значения экономической стороне, чем это следует» [11, с. 396]. Хотя Энгельс подчеркивает, что «материальные условия существования являются *primum agens*», но «это не исключает того, что идеологические области оказывают в свою очередь обратное, но вторичное воздействие на материальные условия...» [11, с. 370]. Более того, он подчеркивает, что «дело обстоит совсем не так, что экономическое положение является причиной, что только оно является активным, а все остальное – лишь пассивное следствие» [12, с. 174]. По мнению Энгельса, материальный и идеальный миры взаимодействуют: «Политическое, правовое, основано на экономическом развитии. Но все они также оказывают влияние друг на друга и на экономический базис» [12, с.174].

Обращает на себя внимание письмо Энгельса Конраду Шмидту от 27 октября 1890 г., в котором он развивает эту мысль: «На экономическое движение оказывают влияние, с одной стороны, движение государственной власти, а с другой – одновременно с нею порожденной оппозиции. ...В борьбе между правительством и оппозицией отражается борьба уже до этого существующих и борющихся классов, и точно так же превратно: уже не прямо, а косвенно, не как борьба классов, а как борьба за политические принципы, и притом так превратно, что потребовались тысячелетия для того, чтобы нам стало ясно, в чем суть» [11, с. 416]. Но ведь это означает не что иное, как признание возможности под воздействием оппозиции определенным образом скорректировать экономические отношения! Следуя нашей логике, да и логике Энгельса, если это декларировать, то значит признать возможность социального реформирования капитализма. Это доказывает и другая мысль Энгельса: «То, что мы называем идеологическим воззрением, в свою очередь, оказывает обратное действие на экономический базис и может его в известных пределах модифицировать...». Словом, он не только признает, что так пылко отрицал вместе с Марком сорок с лишним лет назад. Более того, это сегодня ему «кажется само собой разумеющимся» [11, с. 418].

Об эволюции мышления Энгельса свидетельствует заявление, сделанное им в 1892 г. во «Введении к работе К. Маркса «Классовая борьба во Франции с 1848 по 1850 г.»: «Ирония всемирной истории ставит все вверх ногами. Мы, «революционеры», «ниспровергатели», мы гораздо больше преуспеваем с помощью легальных средств, чем с помощью нелегальных или с помощью переворота» [13, с. 546]. Более того, Энгельс в очередной раз признается в своей ошибке: «однако история показала, что неправы были и мы, что взгляд, которого мы придерживались, оказался иллюзией. История

пошла еще дальше: она не только рассеяла наше тогдашнее заблуждение, но совершенно изменила и те условия, при которых приходится вести борьбу пролетариату. Способ борьбы, применявшийся в 1848 г., теперь во всех отношениях устарел...» [13, с. 533], «стал применяться совершенно новый способ борьбы пролетариата, и... вышло так, что буржуазия и правительство стали гораздо больше бояться легальной деятельности рабочей партии, чем нелегальной, успехов на выборах, чем успехов восстания» [13, с. 540].

Из выше сказанного можно было бы сделать вывод о том, что Энгельс, в конце концов, прозрел. Но все уходит насмарку, когда читаем следующие слова идейного соратника Маркса о том, что вести борьбу за завоевание пролетариатом мест в парламенте «...дольше и скучнее, чем призыв к революции, но это в десять раз вернее и, что еще лучше, с безупречной точностью указывает день, когда нужно будет призвать к вооруженной революции». Таким образом, Энгельс всё же ждал решающего дня для битвы с буржуазией, а парламентская деятельность – лишь временная форма легальной борьбы. Но, как признал сам Энгельс, действенная, потому что социал-демократы Германии это доказали, сумев превратить избирательное право «из орудия обмана, каким оно было до сих пор, в орудие освобождения». Частичное объяснение такой двойственной трактовки данного вопроса мы находим в работе Энгельса «Социализм в Германии», где он с опаской говорит: «В один прекрасный день немецким буржуа и их правительству надоеет пассивно наблюдать все возрастающий подъем социализма; они прибегнут к беззаконию, к насильственным действиям» [15, с. 254] и «перенесёт нас с арены парламентской борьбы на революционную арену» [15, с. 287]. Логика в таком утверждении есть. Но где логика, когда цитируем того же самого Энгельса из той же самой работы «Социализм в Германии»: «Сколько раз требовала от нас буржуазия, чтобы мы при любых обстоятельствах отказывались от применения революционных методов и оставались в рамках законности... К сожалению, мы не в состоянии сделать господам буржуа такое одолжение...» [15, 253]?

Удивляет мысль Энгельса о возможности сотрудничества пролетарских партий с другими партиями в парламенте «при определенных условиях»: «Когда наши депутаты голосуют за предложение, внесенное другой стороной, то и это уже является совместным действием. Но ...в том случае, если польза непосредственно для нас или для исторического развития страны по пути экономической и политической революции неоспорима и стоит того, чтобы ее добиваться...» [11, с. 307]. Энгельс, будучи автором «Манифеста Коммунистической партии», никогда, наверно, не смел и подумать о том, что написал по этому поводу «поздний» Энгельс. В лапидарных социалистических конструкциях марксизма не было места компромиссу, сотрудничеству «по пути экономической и политической революции». Была одна партия, одна правда и никаких попутчиков к светлому будущему!

Энгельс замечает, что классовая борьба пролетариата носила более ожесточенный характер в первый период развития крупной промышленности и стала затихать в последующий период. Об этом он пишет в письме Э. Бернштейну от 17 июля 1879 г.: «Английское рабочее движение вот уже ряд лет безвыходно вращается в узком кругу стачечной борьбы за повышение заработной платы и сокращение рабочего дня, причем эти стачки рассматриваются не как мера временной помощи и не как средство пропаганды и организации, а как конечная цель» [16, с. 295]. Но в этом, увы, Энгельс не углядел ещё тенденции или тем более «принципа», он трактовал это как «обуржуазивание» рабочего класса. Но к данной проблеме он возвращается через 13 лет в работе «Положение рабочего класса Англии». И, если он еще в 1844 г. писал о непрерывно растущей нищете английского рабочего класса и, говоря словами Энгельса, «под влиянием своей юношеской горячности» взялся за предсказание близости социалистической революции, то теперь его мысли изменились коренным образом. Энгельс пишет, что существенно изменилось положение английских рабочих. Они добились значительного улучшения условий труда, повышения заработной платы, сокращения рабочего дня и, пользуясь завоеванными ими гражданскими правами в демократическом буржуазном обществе, продол-

жают свою борьбу в целях все более полного осуществления своих потребностей в рамках существующего общественного строя. Более того, Энгельс замечает, что «американский рабочий воображает, что традиционная буржуазная форма хозяйства есть нечто по самой своей природе и на все времена прогрессивное и превосходное...» [14, с. 476] о чём пишет в конце того же года в письме Ф. Зорге.

Сложно понять Энгельса, когда он говорит об определенной трансформации самого социализма. Он отмечает, что к концу XIX столетия «социализм снова появился в Англии», причём в массовом масштабе, социализм всех оттенков...». «И действительно, что чудовище из чудовищ, этот социализм не только стал вполне respectable, но он уже носит фрак и небрежно разваливается на диванах в салонах. Но, впрочем, у нас нет оснований быть недовольными самим этим симптомом» [17, с. 284]. Что он имеет в виду – «respectability» рабочих, которую проклинал три года назад в письме Ф. Зорге? Тогда Энгельс её называл отвратительной и буржуазной, всосавшейся в плоть и кровь рабочих [11, с. 270]. Но почему теперь он это видит в совершенно других красках? Может быть, он понял невозможное – социализм перестает быть идеологией нищих?

Таким образом, взгляды Энгельса на решение в обществе социальных проблем претерпели во времени определенное развитие, но не трансформировались в новое качество. Идея об эволюционном, реформистском пути, хотя не сильно, но просматривается в его теоретическом наследии позднего периода жизни. Но и эта слабая внутренняя нота у Энгельса сознательно «фальшивит». Энгельс сознательно оставался верен своему другу. Кто знает, может быть не хотел создать новой «удивительной путаницы»?

Основоположники марксизма не создали концепции социальной справедливости как таковой. Все идеи, которые связаны с данной проблемой, разбросаны по их сочинениям. Сбор этих фрагментов представляет довольно сложной и кропотливой задачей, тем более, что они избегали детально описывать общество социальной справедливости – социализм, больше внимания уделяя условиям его происхождения.

Маркс и Энгельс, в своих воззрениях на проблему социальной справедливости, абсолютизировали роль классовой борьбы и отношения собственности. В понимании Маркса и Энгельса революция для пролетариата – это «золотой ключик» от двери, за которой возможна справедливая социальная политика победившего рабочего класса, создавшего государство социальной справедливости.

Теория марксизма уникальна тем, что, как не раскладывая пасьянс из идей, составляющих экономическую интерпретацию истории и теорию социальных классов, всё равно они показывают одно и то же – историческую необходимость гибели капиталистического общества и создания нового социалистического общества. Но в этой глубокой логике марксизма все же просматривается одно существенное противоречие: почему Маркс и Энгельс включают в свою, определенным образом фаталистическую теорию, деструктивные силы. Наоборот, они должны были вроде бы делать все, чтобы ни что и ни кто не мешал ему расти и созреть «до определенной кондиции». Почему им была необходима революционная практика, которая по своей сути деструктивна и сводит определённым образом на «нет» теорию марксизма.

Нам кажется, это произошло потому, что марксизм, являясь по своей сути революционной теорией, является антитезой реформе. Все тело капиталистического общества, по утверждению основоположников марксизма, пронизано антагонистическими противоречиями и «дышит» воздухом, пропитанным «ионами» исторически неизбежной социальной революции. Значит, марксистская теория социализма своеобразным образом задает гамлетовский вопрос: быть или не быть социальной реформе в условиях капиталистического общества? И сама однозначно отвечает: не быть!

Для Маркса и Энгельса капитализм был лишь живым трупом, жизненные функции которого с каждым днем убывают. Такая точка зрения помешала Марксу и Энгельсу увидеть, что в недрах капиталистического общества вместе с ядом, опасным для его жизни, создается и противоядие, помогающее ему выжить. Но, к сожалению,

они не заметили этого и все реформы в условиях капитализма считали лишь паллиативом.

Необходимо признать, что германское общество в значительной степени было одухотворено идеями марксизма. Массы людей поверили их популярному изложению. Казалось, так просто – отстранить от управления промышленностью предпринимателей-капиталистов, отнять принадлежащие им фабрики и заводы, передать их в общественную собственность и, как по мановению волшебной палочки, возникает изобилие всех общественных благ. Только успевай их потреблять. При этом массы людей не потрудились или не сумели понять всю глубину бездоказательности их утверждений, всю наивность экономического совершенства в форме социализма. Такой идейной позицией основоположники марксизма сослужили «добрую услугу» социалистическому рабочему движению. Должны были пройти годы жестокой борьбы, чтобы на практике убедиться в недалёковидности марксистских взглядов о социальной справедливости.

#### СПИСОК ЦИТИРОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Маркс К. Фридриху Адольфу Зорге. 19 сентября 1879 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Издание второе. – М., 1960. Т. 1.

2. Энгельс Ф. Введение к работе К. Маркса «Гражданская война во Франции» // Там же. Т. 17.
3. Маркс К., Энгельс Ф. Манифест Коммунистической партии... Т. 4.
4. Маркс К. К критике политической экономии... Т. 13.
5. Маркс К. Ницета философии ... Т. 4.
6. Маркс К. Капитал. ... Т. 23.
7. Энгельс Ф. Анти-Дюринг... Т. 20.
8. Маркс К. К критике политической экономии... Т. 13.
9. Маркс К. Немецкая идеология... Т. 3.
10. Маркс К. и Энгельс Ф. Требования Коммунистической партии Германии... Т. 5.
11. Энгельс Ф. Конраду Шмидту от 27 октября 1890 г. ... Т. 37.
12. Энгельс Ф. В. Боргиусу 25 января 1894 г. ... Т. 39.
13. Энгельс Ф. Введение к работе К. Маркса «Классовая борьба во Франции с 1848 по 1850 г. ... Т. 22.
14. Энгельс Ф. Фридриху Адольфу Зорге 11 февраля 1844 г. ... Т. 38.
15. Энгельс Ф. Социализм в Германии. ... Т. 22.
16. Энгельс Ф. Эдуарду Бернштейну от 17 июля 1879 г. ... Т. 34.
17. Энгельс Ф. Предисловие к английскому изданию «Положение рабочего класса в Англии» 1892 г. ... Т. 22.

Материал поступил в редакцию 19.11.08

#### DALIA EIDUKIENE. The social problem decision in marxism interpretation

In article is analyzed a Marxism position in the social problem decision. The author of article makes attempt to open an error of ideas of "a scientific socialism" which started with unwillingness to accept idea of reform and from absolute belief in revolutionary radicalism. Search of arguments is constructed on the analysis of two basic theories of a Marxist socialism – economic interpretation of history and the theory of social classes.

Moreover, the author tries to answer a question the Marxist socialism is an error of scientist which goes a thorny road of tests and errors or it is elementary falsification which so is favourable in the propaganda relation and so it is important as the basic argument in a Marxist substantiation of urgent necessity of proletarian revolution.

УДК 323.2

Данилов Ю.Д.

## ПРОБЛЕМА ИДЕНТИФИКАЦИИ В ИССЛЕДОВАНИИ ОСОБЕННОСТЕЙ ФОРМИРОВАНИЯ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В БЕЛАРУСИ

В условиях развития суверенной государственности всё чаще в научных статьях, средствах массовой информации и на бытовом уровне эксплуатируется понятие «гражданское общество». Спектр его применения довольно широк: гражданское общество как явление – это, с одной стороны, отражение исторического развития человечества, и, вместе с тем с другой – продукт эволюции сознания каждого человека в отдельности. Представления о любой проблеме, включая и её теоретические обоснования, существенно изменяются во времени и в пространстве. Идея гражданского общества также пережила ряд трансформаций, но при этом, неизменной на всех этапах ее существования, являлась проблема с определением. Вопрос, как определить гражданское общество возникает из-за того, что оно имеет два разных аспекта, социальный и политический.

Со времен Аристотеля и вплоть до Локка эти две сферы рассматривались в нераздельном единстве. Общность, государство, *κοινωνία*, *civitas* были единым социальным и политическим целым. Общества были «политическими обществами», и это положение все еще сохранялось в 1690, когда Джон Локк написал свой «Второй трактат о правлении». Одна из его глав названа «О политическом и гражданском обществе». Локк полагал, что общество в этом смысле отличается от природного состояния; оно существенным образом отличается от общности супругов, семьи. Кроме того, гражданское общество несовместимо с абсолютной монархией [1]. Спустя столетие терминология изменилась. В труде А. Фергюсона «Опыт истории гражданского общества» (1767) отмечается разрыв между политической и социальной сферами. Примерно в то же время Дж. Мэдисон в своих статьях в «Федералисте» подчеркивал роль гражданского

общества как противовеса произволу государства [2]. В 19 и 20 вв. под гражданским обществом многие стали понимать просто человеческое сообщество, другие усматривали в нем элемент политической организации. Но в обоих случаях для гражданских обществ оставались характерными три особенности. Во-первых, наличие множества ассоциаций или, в более общем плане, центров социальной власти. Во-вторых, относительная независимость этих центров социальной власти. И, в-третьих, чувство гражданской ответственности, цивилизованное поведение и активная гражданская позиция. Все это – необходимые элементы подлинно гражданского общества. Эти особенности проявляют диалектически неразрывную связь гражданского общества с государством и всеми аспектами его генезиса. Несомненной представляется и зависимость состояния гражданского общества от способа и уровня идентификации гражданами себя как членов данного конкретного общества, в этом состоит изначальная сущность генезиса любого гражданского общества, по существу – его социального аспекта.

Между понятием «гражданское общество» и однопорядковым ему понятием «общество» есть не только очевидная взаимосвязь, но и весьма существенные различия. Одно из различий заключается в том, что общество, как совокупность отношений между людьми, становится гражданским лишь на определенной стадии своей зрелости, при определенных условиях. В этом плане за прилагательным «гражданское», несмотря на его неопределенность, стоит вполне конкретное и содержание. Категория «гражданское общество» отражает новое качественное состояние общества, основанное на развитых формах его самоидентификации, самоорганизации и саморегу-

Данилов Юрий Дмитриевич, старший преподаватель кафедры социально-политических и исторических наук Брестского государственного технического университета.  
Беларусь, БрГТУ, 224017, г. Брест, ул. Московская, 267.